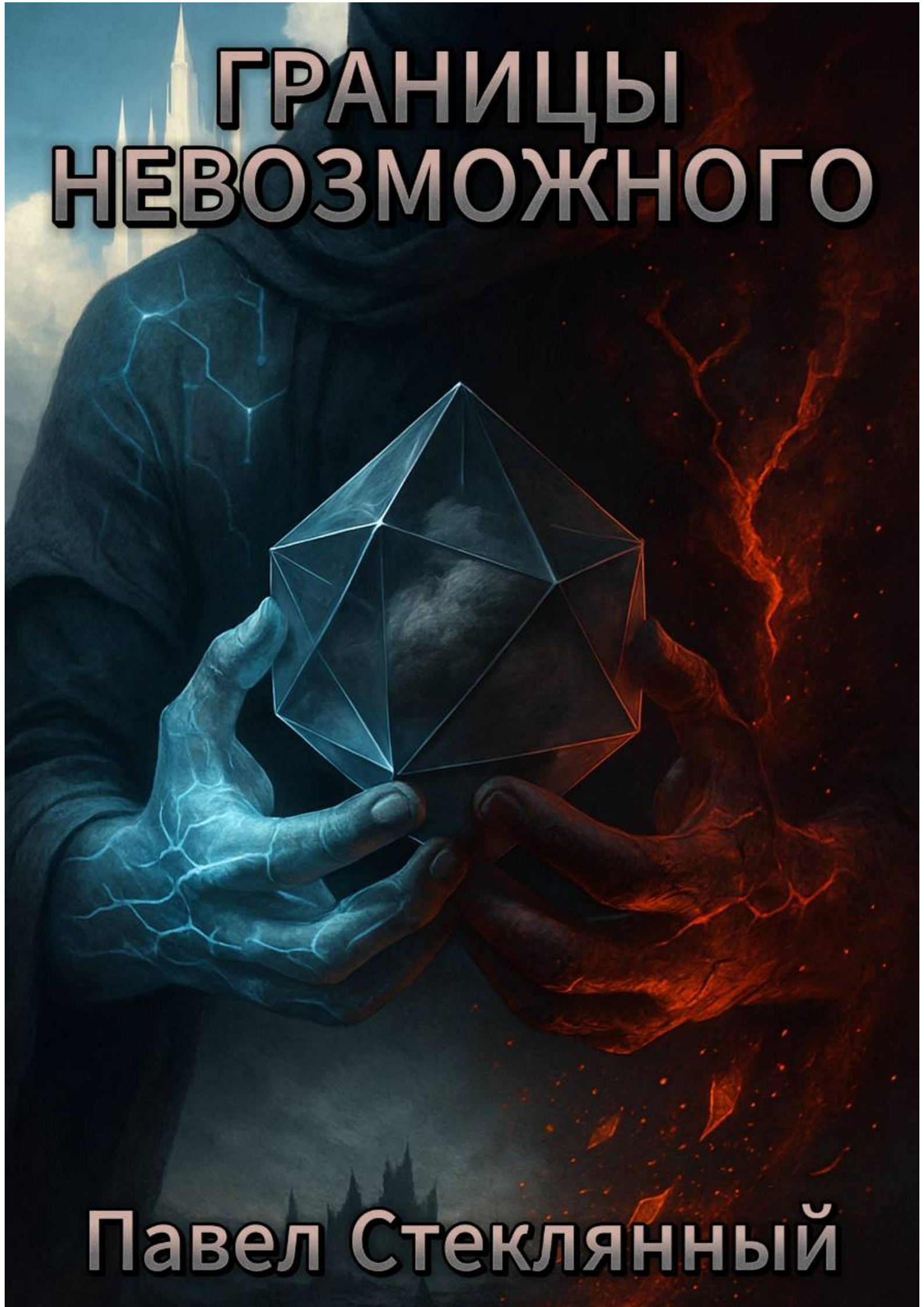

ГРАНИЦЫ НЕВОЗМОЖНОГО

A dramatic illustration for a book cover. In the center, two hands are shown holding a transparent, faceted crystal. The hand on the left is pale and covered in glowing blue, vein-like patterns, suggesting magical or technological energy. The hand on the right is dark, textured, and appears to be made of or covered in molten lava, with bright orange and red flames and sparks emanating from it. The crystal itself is clear, revealing a swirling, smoky or ethereal white substance inside. The background is split: the upper left shows a bright, cloudy sky with the spires of a white castle or cathedral; the lower right and center are dominated by dark, swirling smoke and fire, creating a sense of conflict and mystery.

Павел Стекланный

Павел Стекланный

Границы невозможного

«Автор»

2026

Стеклянный П.

Границы невозможного / П. Стеклянный — «Автор», 2026

Боги не приходят спасать. Они приходят забирать долги. Когда Небесный Шпиль и Бездна начинают финальную битву, люди становятся лишь топливом для их пожаров. Кай — обычный картограф, в чьих жилах лед ангелов столкнулся с пламенем демонов. Он не избранный герой, он — дефект в божественном уравнении. Инструмент, обретший волю. Преследуемый сияющими легионами и тенями хаоса, Кай прокладывает маршрут там, где стирается сама реальность. Его оружие — сумеречный резонанс, его цена — собственная человечность. С каждым магическим ударом тело Кая превращается в холодный кварц, а из памяти навсегда исчезает обрывок прошлого: вкус хлеба, запах дождя, цвет глаз матери. В войне, где Добро и Зло одинаково безжалостны, выжить сможет лишь тот, кто не выберет сторону. Чтобы закрыть двери между Раем и Адом, Кай должен совершить невозможное: перестать быть пешкой на чужой карте и самому начертить финал истории. Даже если на последней странице не останется места для него самого.

© Стеклянный П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1: Клеймо на закате	6
Глава 2: Посланники дилеммы	11
Глава 3: Город Серых Теней	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Павел Стекланный

Границы невозможного

Предисловие

О диссонансе и чернилах

Говорят, что мир был рожден из одного безупречного аккорда. В те времена не было ни теней, ни ослепляющего света – лишь мягкое золотое сияние истины, которая не требовала доказательств. Но человек – существо беспокойное. Мы не можем просто слушать музыку, нам нужно её препарировать. Мы захотели разделить этот аккорд, чтобы понять, из чего он состоит. Мы вычленили из него чистую логику и назвали её **Порядком**. Мы вырвали из него первобытную страсть и назвали её **Хаосом**.

Так появились они – архитекторы нашей гибели. **Ангелы**, чья любовь холоднее льда и чей рай похож на кладбищенскую тишину. И **демоны**, чья свобода пахнет гарью и чьи дары оборачиваются пеплом на языке. Мы сами нарисовали эти границы. Мы сами воздвигли Небесный Шпиль и разверзли Бездну.

Эта книга – не просто хроника войны легионов. Это история о **границах**. О тех, что начертаны на пергаменте, и о тех, что выжжены в человеческой душе.

Когда мир начинает трескаться, когда идеальные линии картографических схем пересекаются с кривыми шрамами магии, рождаются **Сумерки**. Это не время суток. Это состояние духа. Это момент, когда нужно перестать быть инструментом в чужих руках и стать самим собой – даже если для этого придется превратиться в камень.

Перед вами путь Кая, человека, который умел измерять землю, но вынужден был измерить бездну. Помните: когда вы перевернете последнюю страницу, ваши собственные карты могут оказаться ложными. Ибо единственный верный маршрут пролегает не между Раем и Адом, а через ту серую зону, которую мы называем человечностью. *Приготовьтесь. Музыка начинается. И первая нота будет стоить вам всего.*

Глава 1: Клеймо на закате

Утро в Эллоре не просто начиналось – оно проявлялось, как чернильный набросок на влажной бумаге. Сначала из предрассветного тумана возникали острые шпили Храма Вечного Порядка, затем – тяжелые, поросшие соленым мхом стены портовых доков, и лишь в последнюю очередь свет достигал чердачного окна Кая.

Для Кая, тридцатилетнего картографа, этот час был священным. В это время город еще не начал свой ежедневный шумный спор, и тишина позволяла сосредоточиться на главном – на кончике пера. Его мастерская была завалена свитками, измерительными приборами и образцами минералов. Здесь пахло старым пергаментом, едким спиртом, в котором он разводил краски, и едва уловимым ароматом жасмина – единственной роскошью, которую он себе позволял в виде дешевого масла для лампы.

– Прямая линия – это честность, – прошептал Кай, склонившись над картой «Течений Шепота». – Кривая – это дипломатия. А точка – это финал.

Он верил в структуру мира так же сильно, как моряки верили в приливы. Его отец, потомственный картограф, оставил ему не только коллекцию циркулей, но и философию: «Мир – это хаос, который мечтает стать схемой. Наша работа – помочь ему в этом». Кай помнил, как отец часами сидел над картами, вырисовывая береговые линии с такой точностью, будто от одного лишнего штриха корабль мог наскочить на риф в реальности.

Сегодня работа шла тяжело. Перо казалось непривычно тяжелым, а чернила – слишком густыми. Кай отложил инструмент и подошел к окну. Эллор внизу начинал просыпаться. Торговцы рыбой уже выкладывали свой серебристый товар на лед, а патрульные инквизиторы в ослепительно-белых плащах медленно прохаживались по рыночной площади.

Внезапно солнечный свет, заливавший комнату, изменил свой спектр. Он перестал быть золотистым. Воздух окрасился в странный, мертвенно-бледный оттенок, какой бывает перед затмением. Кай нахмурился. Он не помнил в календаре упоминаний о небесных явлениях на этот день.

Затем пришло ощущение, которое он не смог бы описать ни в одном атласе. Тишина. Но не отсутствие звука, а его **изъятие**. Птицы за окном замерли в полете. Крик торговца внизу оборвался на полуслове, превратившись в беззвучное разевание рта. Само время словно превратилось в густой мед.

– Что... – Кай попытался произнести слово, но его собственный голос не достиг ушей. Звук просто растворился в пространстве, не вызвав вибрации.

В этот момент его левая ключица взорвалась холодом. Это был не тот холод, который приносит зимний ветер. Это был лед абсолютной пустоты, лед, который не морозит, а стирает. Кай вскрикнул (внутри себя) и сорвал рубашку, бросаясь к большому зеркалу в тяжелой раме.

То, что он увидел, заставило его сердце пропустить удар. Под кожей, прямо на кости, медленно проявлялись светящиеся голубые нити. Они выстраивались в безупречно ровный узор, напоминающий чертеж небесной сферы. Это была **Печать Порядка**. Знак того, что Небесный Шпиль выбрал его своим проводником. В легендах говорилось, что носитель печати перестает быть человеком, становясь «камертоном богов».

– Нет, – прохрипел он, хватаясь за стол. – Я не выбирал вас. Я картограф. Я просто рисую!

Словно в ответ на его протест, правая сторона груди вспыхнула яростным, невыносимым жаром. Если левая сторона была льдом, то правая стала раскаленным горном. Кожа над сердцем начала темнеть, покрываясь трещинами, из которых сочилось багровое сияние. Ломаные, хаотичные линии сплетались в **Знак Бездны**.

Две силы, которые ненавидели друг друга с момента сотворения мира, теперь делили его плоть. Кай упал на колени. Его мастерская начала преображаться. Левым глазом он видел

всё в идеальных геометрических пропорциях: он видел векторы натяжения каждой половицы, частоту вибрации оконного стекла. Правым же глазом он видел распад: стены истекали черной желчью, а тени в углах превращались в зубастые пасти, жаждущие крови.

Внезапно Тишина лопнула.

Звук, ударивший в город, был похож на звон миллиарда разбитых хрустальных бокалов. Небо над Эллором расколосось. Одна половина стала ослепительно белой, другая – черной, как запекшаяся кровь.

– Они почувствовали артефакт... – Кай вспомнил про стекланный октаэдр, который он нашел неделю назад в руинах на побережье. Он думал, что это просто красивый кусок старого стекла, но теперь предмет в его сумке гудел так сильно, что пол под ним вибрировал.

Кай понял: он должен бежать. Не от города, а от того, что он несет в себе. Но стоило ему подняться, как дверь мастерской разлетелась в щепки.

В проеме стоял **Сариэль**. Он не был человеком. Это была колонна из света и лезвий, чье лицо было скрыто за зеркальной маской. От него исходил аромат озона и чистоты, которая была страшнее любого смрада.

– Объект Каиэль, – голос ангела звучал как хор, лишенный эмоций. – Твой диссонанс отравляет великую симфонию. Позволь мне извлечь лишнюю ноту.

Ангел поднял руку, и в ней сформировался клинок из чистого резонанса. В ту же секунду из окна ворвался черный вихрь, опрокидывая стеллажи с картами. Из копоты и искр соткался **Ваал**. Демон оскалился, обнажив клыки.

– Оставь его, пернатый! – расхохотался демон. – Этот парень пахнет так сладко, что я готов съесть его душу прямо здесь, вместе с твоим сияющим мечом!

Кай оказался в центре круга. Он видел, как на его картах, на его трудах всей жизни, начинают проступать капли небесного льда и демонической серы. Его мир рушился, превращаясь в поле боя.

– Я... не... инструмент! – Кай закричал, и в этот момент обе метки на его теле вошли в резонанс.

Резонанс, вырвавшийся из груди Кая, не был похож на взрыв пороха или удар молота. Это была волна «тишины наоборот» – вакуум, который на долю секунды выпил все краски из комнаты. Сариэль, чья суть состояла из безупречных гармоник, пошатнулся, когда его световой доспех столкнулся с этой серой, неопределенной энергией. Ваал, сотканный из хаоса, на мгновение застыл, словно его пламя наткнулось на стену из абсолютного нуля.

Кай не стал ждать, пока они придут в себя. Он схватил дорожную сумку, в которую уже был брошен проклятый октаэдр, и, игнорируя пронзительную боль в суставах, бросился не к двери, а к пожарному выходу – узкой железной лестнице, ведущей на крышу.

– Диссонанс... должен быть... стерт, – голос Сариэля за спиной обрел новые, пугающие обертоны. Теперь это был не хор, а скрежет металла по стеклу.

Кай выбрался на крышу. Воздух здесь был раскален. Город под ним превращался в оживший кошмар картографа. Улицы, которые Кай знал до последнего камня, изгибались под немыслимыми углами. Здания, попавшие в зону влияния Небесного Шпиля, становились полупрозрачными, словно вырезанными из льда; те же, что оказались под тенью Бездны, истекали черным дымом, а их камни плавились, принимая формы стонущих лиц.

Он бежал по черепице, которая под его левой ногой замерзала, становясь скользкой, а под правой – рассыпалась в раскаленный пепел. Кай чувствовал себя канатоходцем на нити, сплетенной из молний.

– Папа говорил... не доверяй богам... – задыхаясь, шептал он. – Папа, ты не говорил, что они придут за мной лично!

Внизу, на главной площади у фонтана Трёх Граций, разыгралась бойня. Кай замер на краю карниза, не в силах отвести взгляд. Отряд городских инквизиторов – людей, которые

верили, что служат Порядку – стоял на коленях, воздев руки к небу. Они молили о спасении, глядя на спускающихся ангелов. Но ангелы не видели в них союзников. Один из сияющих воинов взмахнул крылом, и волна чистого ультразвука прошла сквозь толпу. Люди не умерли мгновенно. Они начали... «гармонизироваться». Их черты лица стирались, превращаясь в гладкие маски, их вопли затихали, сменяясь монотонным, жутким гулом. Они становились живыми деталями огромного механизма, который строил Шпиль.

С другой стороны площади из земли вырвались черные шипы. Демоны Бездны, мелкие и юркие, как крысы, вгрызались в ряды онемевших людей, разрывая «порядок» в клочья. Красная кровь мешалась с белым светом, создавая уродливое фиолетовое зарево.

– Эй, чертежник! Куда же ты? Мы еще не обсудили твой гонорар! – голос Ваала раздался совсем рядом.

Демон возник из тени дымохода, наполовину превратившись в дымную субстанцию. Его глаза горели азартом игрока, который нашел беспроектную ставку.

– Убирайся! – Кай вскинул руку, защищаясь.

Багровая метка на его ладони отозвалась яростным толчком. Сгусток темного пламени вылетел из его пальцев, едва не задев демона. Ваал лишь расхохотался, уворачиваясь с грацией кошки.

– О, ты уже учишься! Бездна любит талантливых учеников. Но осторожнее, парень, если ты дашь волю гневу, Саризель выжжет твой разум раньше, чем ты успеешь сказать «свобода».

В этот момент небо над Каем разорвал удар молнии – безупречно белой и холодной. Это было предупреждение от Саризеля. Ангел парил выше, его зеркальная маска отражала горящий город.

– Объект Каизель, ты провоцируешь энтропию. Каждый твой шаг создает новые трещины в эфире. Остановись. Прими покой.

– Покой? – Кай посмотрел вниз, на своих соседей, превращенных в бездушных истуканов. – Это вы называете покоем? Это смерть! Просто чистая и аккуратно упакованная!

Он прыгнул. Не вниз, на площадь, а на натянутые между домами веревки для сушки белья. Его тело, подгоняемое магическим адреналином, двигалось с быстротой, недоступной обычному человеку. Он скользил по канатам, перепрыгивал с балкона на балкон, пока не достиг окраины Ремесленного квартала.

Здесь он столкнулся с тем, чего боялся больше всего. Тишина города Серых Теней уже начала просачиваться в Элмор. В одном из переулков он увидел старого библиотекаря, господина Томаса. Старик сидел на земле среди разбросанных книг. Он не бежал. Он не молился. Его глаза были пустыми, серыми. Он просто сидел и перелистывал страницы, которые рассыпались в прах от его прикосновения.

– Господин Томас! – Кай подбежал к нему, забыв об опасности. – Пойдемте со мной, в подвалах собора есть старые ходы...

Библиотекарь поднял на него взгляд. В нем не было узнавания. Только бесконечная, высасывающая душу серость. – Слишком много слов, Кай... – прошелестел старик. – Слова – это шум. Тишина... тишина так прекрасна.

Кай отшатнулся. Метка на его ключице болезненно запульсировала, приветствуя это состояние старика. Саризель был прав: Порядок стремился к такому финалу. Но Ваал внутри него взревел от отвращения, требуя разрушить эту апатию.

Кай почувствовал, как его сознание начинает двоиться. Одна его часть хотела сесть рядом с Томасом и замолчать навсегда. Другая – хотела сжечь всё это место до основания, чтобы больше никто не мог стать такой «тенью».

– Нет... я найду другой путь, – прохрипел он, заставляя себя подняться. – Я картограф. Я найду чертов выход с этой карты!

Он оставил библиотекаря и бросился к сточным каналам, чьи чугунные решетки уже плавились под воздействием багрового жара Бездны. Это был путь в грязь, в темноту, под землю – туда, куда не заглядывал чистый свет ангелов и где не было места для игр демонов.

За его спиной Эллор издал свой предсмертный стон. Шпили храмов рушились, превращаясь в золотую пыль, а земля разверзалась, обнажая пасти огненных провалов.

Чугунная решетка сточного канала поддалась не сразу. Она была раскалена багровым жаром, исходящим от Знака Бездны, и в то же время покрыта инеем от Печати Порядка. Металл стал хрупким, как пережженное стекло. Кай ударил по нему тяжелым сапогом, и решетка рассыпалась, осыпая темноту внизу звенящими осколками.

Он прыгнул. Падение длилось недолго, но в этой краткой секунде невесомости Кай почувствовал, как мир окончательно перевернулся. Гнилостный запах стоков Эллора, который он всегда считал отвратительным, теперь показался ему самым желанным ароматом на свете – ароматом жизни, несовершенной и грязной, но настоящей.

Он приземлился в колено в ледяную жижу. Вонь была невыносимой, но Кай лишь жадно хватал ртом воздух. Сверху, из пролома, в сточную канаву ворвался столб ослепительно белого света. Сариэль не оставил погоню.

– Твоё бегство – лишь отсрочка финала, – голос ангела просочился вниз, вибрируя в каплях воды на стенах. – Ты не можешь спрятаться в нечистотах от того, что носишь в собственной крови.

– Посмотрим! – выкрикнул Кай, бросаясь вперед по темному туннелю.

Здесь, под землей, его синестезия стала еще более пугающей. Звуки капающей воды превращались в его глазах в острые синие иглы, а его собственное тяжелое дыхание окутывало его багровым паром. Он видел мир не глазами, а какими-то иными чувствами, которые проснулись в нем вместе с метками. Стены туннеля пульсировали, как вены огромного организма.

– Ты ведь знаешь, что он прав? – раздался шепот совсем рядом.

Кай вскрикнул и отшатнулся, ударившись спиной о холодную слизь стены. В нескольких шагах от него, прислонившись к выступу, стояла фигура. На ней был глубокий капюшон и плащ такого странного оттенка, что он казался дырой в пространстве – ни черным, ни белым, а абсолютно серым.

– Кто ты? Еще один посланник? – Кай выхватил свой нож, хотя понимал, насколько жалко выглядит этот огрызок стали против божественных сущностей.

– Я – та, кто знает, как пахнет пепел твоих сгоревших амбиций, картограф, – женщина (а это была женщина, судя по голосу) сделала шаг вперед. Лица под капюшоном не было видно, только блеск глаз – спокойных и пугающе человеческих. – Меня зовут Элиза. И если ты не хочешь, чтобы Сариэль превратил твои мозги в кристаллический сахар, тебе стоит закрыть рот и следовать за мной.

– Почему я должен тебе верить? – Кай тяжело дышал. Метка на сердце жгла так, что хотелось вырвать его из груди.

– Не должен. Но у тебя есть выбор: умереть святым истуканом в лучах Шпиля, сгореть безумным факелом в Бездне или остаться живым уродом в моих тенях. Что выбираешь?

Кай посмотрел вверх. Световой столб наверху начал расширяться, плавя камни свода. Ангел спускался. С другой стороны туннеля послышался издевательский смех Ваала – демон просачивался сквозь щели в кладке, как чернильное пятно.

– Тени, – коротко бросил Кай.

Элиза не ответила. Она просто взмахнула рукой, и вокруг них сомкнулось марево, пахнущее пылью и старыми книгами. На мгновение Кай почувствовал, что он перестал существовать. Не было ни боли, ни холода, ни даже веса собственного тела. Это было состояние между вдохом и выдохом – идеальная пауза.

Когда зрение вернулось к нему, они были уже далеко от центра города. Они стояли на окраине, у старого кладбища, где Эллор заканчивался и начинались дикие пустоши. Город за их спинами представлял собой жуткое зрелище. Огромный купол света накрыл его северную часть, а над южной поднялся столб черного дыма, уходящий в стратосферу. Две стихии буквально пережевывали дома и людей, пытаясь вытеснить друг друга.

– Мой дом... – Кай опустился на колени. – Всё, что я нарисовал... все мои карты...

– Карты больше не нужны, Кай, – Элиза подошла к нему и положила руку на плечо. Её прикосновение было странным: оно не несло ни холода, ни жара. Оно было... нейтральным. – Старый мир закончился сегодня утром. Теперь тебе придется рисовать новую карту. Карту того, как выжить в мире, который тебя ненавидит.

Кай посмотрел на свои руки. Багровая и синяя нити под кожей теперь не просто пульсировали – они переплелись, образовав в центре запястий тускло-серый узел.

– Что со мной происходит? – прошептал он.

– Ты становишься Сумерками, – ответила Элиза, глядя на то, как первые лучи неестественного рассвета освещают руины. – Ты – точка, где Добро и Зло решили уничтожить друг друга. И если ты не научишься управлять этим штормом, ты станешь первой жертвой этой войны.

Кай поднял глаза на расколотое небо. Где-то там, за завесой облаков, Сариэль и Ваал уже готовили свои легионы. Эллор был лишь первой клеткой на шахматной доске, которую они решили перевернуть.

Он нащупал в сумке стеклянный октаэдр. Артефакт затих, словно затаился, ожидая следующего хода. Кай почувствовал, что в его жизни больше нет места для прямых линий и точных измерений. Всё, что у него осталось – это серая пыль под ногами и загадочная женщина, которая обещала ему не спасение, а лишь возможность остаться собой.

– Куда мы идем? – спросил он, поднимаясь и в последний раз оглядываясь на горящий город.

– В Город Серых Теней, – Элиза отвернулась от Эллора. – Туда, где боги слепы, а тишина – самый громкий звук. Пойдем, картограф. Твой путь только начинается, и, поверь мне, тебе не понравится его финал.

Они двинулись вглубь пустошей, исчезая в тумане, который медленно пожирал горизонт. Кай шел, хромя на правую ногу, чувствуя, как внутри него зарождается нечто новое – не лед и не пламя, а ледяная ярость человека, у которого отняли всё, кроме права на ненависть.

Глава 2: Посланники дилеммы

Шепчущая роща встретила беглецов неестественным, тягучим безмолвием. В обычные времена этот лес за чертой Эллора славился своим многоголосьем: тысячи птиц, треск сучьев под лапами лисиц и вечный ропот ручья создавали живой, подвижный ковер звука. Но сегодня лес словно затаил дыхание. Деревья стояли неподвижно, их ветви не качались даже от того слабого ветра, что дул с моря. Казалось, сама природа понимала: в её пределы вошло нечто, нарушающее естественный порядок вещей.

Кай шел за Элизой, едва переставляя ноги. Каждый шаг давался ему с трудом, словно он продирался сквозь невидимую тину. Его тело больше не принадлежало ему полностью. Левая половина, скованная **Печатью Порядка**, ощущалась как тяжелый монолит. Мышцы там были натянуты, как струны, требуя безупречной осанки и выверенных движений. Стоило ему хоть немного ссутулиться от усталости, как ледяная судорога прошивала позвоночник, заставляя его выпрямиться с мучительным хрустом суставов.

Правая же сторона, отмеченная **Знаком Бездны**, пульсировала в лихорадочном, сбивчивом ритме. Там всё горело. Кровь в жилах казалась кипящим маслом, а кожа зудела так, словно под ней роились тысячи огненных насекомых. Кай чувствовал, как его сознание разрывается: одна половина мозга требовала идеальной тишины и покоя, а другая – жаждала закричать, броситься на деревья и рвать кору голыми руками, пока не пойдет кровь.

– Перестань бороться с ними по отдельности, – не оборачиваясь, бросила Элиза. Её серый плащ сливался с древесными стволами, делая её почти невидимой. – Ты пытаешься удержать двух разъяренных псов на коротких поводках. Отпусти их. Дай им столкнуться в центре.

– Я... я боюсь, что тогда от меня ничего не останется, – прохрипел Кай. Его голос звучал как скрежет ржавой пилы.

Они вышли на небольшую поляну, в центре которой рос вековой дуб, расщепленный молнией еще задолго до рождения Кая. Здесь Элиза остановилась и жестом велела ему сесть.

– Нам нужно переждать пик резонанса, – пояснила она, прислонившись к обгоревшему стволу. – Сейчас полдень. В это время влияние Небесного Шпиля максимально. Саризель не преминет этим воспользоваться.

Кай рухнул на корни дуба. Он закрыл глаза, но темнота не принесла облегчения. Перед его внутренним взором закружились фрактальные узоры – идеальные снежинки, сменяющиеся рваными вспышками черного пламени.

– Кай, – голос Саризеля возник ниоткуда. Он не звучал в ушах, он вибрировал в самих костях картографа.

Кай открыл глаза. На противоположном краю поляны, прямо в лучах полуденного солнца, стоял Ангел. Он больше не был тем сияющим гигантом из Эллора. Сейчас он принял облик юноши невероятной, пугающей красоты. Его кожа была бледной, как фарфор, а волосы – белее облаков. На нем был простой белый хитон, но за спиной медленно, лениво раскрывались крылья, состоящие из тысяч тончайших стальных перьев, каждое из которых было острее бритвы.

– Ты выглядишь... утомленным, – произнес Саризель. Его голос был подобен звону чистейшего хрусталя. – Это потому, что ты несешь в себе яд. Бездна – это болезнь, Кай. Она разъедает твою суть, превращая твои мысли в мусор.

– Уходи, – Кай сжал нож, хотя рука предательски дрожала. – Ты уже разрушил мой город. Тебе мало?

Саризель грациозно опустился на траву. Там, где его хитон коснулся земли, цветы мгновенно завяли, покрывшись тонкой коркой инея. – Я не разрушал Эллор. Я извлекал из него ложь. Посмотри на свои карты, картограф. Разве они не были попыткой внести смысл в хаос?

Мы с тобой одной крови. Мы оба служим Порядку. Я предлагаю тебе спасение. Отдай мне Ключ. Позволь мне очистить твою правую сторону. Ты перестанешь чувствовать эту жгучую боль. Твой разум станет ясным, как зимнее небо. Ты будешь жить вечно в залах Шпиля, создавая карты звездных путей, где нет ни одной ошибки.

Кай на мгновение замер. Искушение было почти физическим. Мысль о том, что эта вечная агония прекратится, что он сможет просто... заснуть в этой прохладной тишине, была невероятно заманчивой. Его левая рука сама собой потянулась к сумке с октаэдром.

– О, какая пасторальная картинка! – раздался насмешливый, густой голос, пахнувший серой и старым вином.

Из густой тени за спиной Кая вышел Ваал. Демон выглядел как аристократ, только что покинувший пиршество: черный шелковый камзол, небрежно расстегнутый ворот, наглый взгляд янтарных глаз. Он подошел к Каю с другой стороны и бесцеремонно уселся на корень дуба рядом с ним.

– Не слушай его, парень. Саризель забыл упомянуть маленькую деталь: в его «идеальном мире» ты перестанешь быть Каем. Ты станешь инструментом. У тебя не будет желаний, не будет вкуса к жизни, не будет даже воспоминаний о той девчонке из пекарни, которой ты тайком рисовал портреты.

Ваал достал из воздуха яблоко – сочное, багровое, истекающее сладким соком – и с хрустом откусил кусок. – Бездна – это не болезнь. Это сама жизнь. Она непредсказуема, она жестока, но она *настоящая*. Я не предлагаю тебе покой, я предлагаю тебе **силу**. Стань моим проводником, и ты сможешь сжечь этот лес, сжечь Шпиль и построить на их месте всё, что твоей душе угодно. Ты хочешь вернуть Эллор? Мы вызовем его тени из прошлого! Ты хочешь власти? Тебе будут кланяться сами горы!

Кай чувствовал себя так, словно его сознание зажали в гигантские тиски. Воздух на поляне вибрировал. Слева, со стороны Саризеля, он был холодным и неподвижным, как в ледяном гроте; справа, где сидел Ваал, – горячим и маслянистым, насыщенным запахами раскаленного металла и специй.

– Посмотри на него, Кай, – Саризель указал на демона изящным пальцем, кожа на котором была настолько совершенной, что казалась искусственной. – Он говорит о жизни, но его «жизнь» – это вечное гниение. Хаос не создает, он лишь переставляет обломки. Ты картограф. Твой разум жаждет структуры. Ты знаешь, что карта без масштаба и сетки – это просто мазня безумца. Я предлагаю тебе стать Архитектором Нового Мира. Отдай мне артефакт, и мы начертим реальность, где не будет места случайной смерти, болезням и... диссонансу.

– Архитектором? – Ваал расхохотался, и этот звук заставил ближайшие кусты съежиться от жара. – Ты предложил ему стать рабом линейки! Кай, парень, послушай меня. Ты когда-нибудь видел, как рождается шторм? Это ведь прекрасно. Это страшно, это больно, но это момент, когда мир по-настоящему просыпается. Моя сила – это искра в твоём сердце. Да, она обжигает. Да, она требует крови. Но она делает тебя богом среди этих серых теней.

Демон наклонился к Каю, и тот почувствовал, как багровая метка на груди отозвалась лихорадочной пульсацией. – Саризель хочет вырезать твою страсть. Он хочет, чтобы ты перестал чувствовать вкус вина, тепло женского тела, ярость битвы. Он сделает из тебя стеклянную куклу. Я же... я дам тебе всё. Хочешь вернуть Эллор? Мы вырвем его из лап времени! Хочешь, чтобы те, кто смеялся над твоими чертежами, ползали в пыли? Одно твое слово – и земля поглотит их.

Кай закрыл глаза, пытаясь отгородиться от их голосов. Но голоса были внутри. Каждое слово Саризеля отдавалось в его мозгу как удар чистого, высокого колокола, выметающего все мысли. Каждое слово Ваала – как низкий, вибрирующий рык, разжигающий в животе темное, голодное пламя.

– Вы оба... – Кай с трудом разомкнул спекшиеся губы. – Вы оба говорите только о себе. Вы не видите меня. Вы видите только этот проклятый кусок стекла в моей сумке.

Сариэль слегка наклонил голову, и его зеркальная маска (которую он теперь материализовал поверх лица юноши) блеснула холодным светом. – Мы видим Потенциал, Кай. Ты – единственный за тысячу лет, кто смог вместить обе печати и не рассыпаться прахом в первые же секунды. Это означает, что твой дух обладает уникальной... эластичностью. Ты – идеальный ретранслятор.

– Или идеальный детонатор! – добавил Ваал, жадно облизывая губы. – Представь, что будет, если мы доведем твой резонанс до предела. Ты сможешь переписать правила гравитации, остановить солнце или превратить океаны в вино.

– Хватит! – этот крик принадлежал не Каю.

Элиза, которая до этого момента казалась лишь частью тени старого дуба, выступила вперед. Её серый плащ развевался, хотя ветра не было. Она держала в руке короткий клинок, на лезвии которого пульсировали тусклые фиолетовые руны.

Сариэль и Ваал одновременно повернулись к ней. В их взглядах не было страха – лишь легкое раздражение, какое бывает у взрослых, когда их прерывает назойливый ребенок.

– Отрекшаяся, – Сариэль произнес это слово с бесконечным презрением. – Твоё присутствие здесь – ошибка в уравнении. Ты – мусор, оставшийся от прошлых битв. Почему ты еще не развеялась по ветру?

– Потому что я помню то, что вы оба пытаетесь заставить его забыть, – Элиза встала между Каем и сущностями. Её голос был твердым, как гранит. – Вы – паразиты. Вы питаетесь нашими крайностями. Вы – лед и пламя, но миру нужна вода и почва. Кай, не слушай их! Они не боги. Они просто... идеи, которые обрели слишком много силы.

Ваал лениво поднялся, его камзол начал дымиться, превращаясь в живую тьму. – Милая, ты такая скучная. Ты пахнешь пылью и старыми архивами. Дай мальчику самому выбрать свою погибель. Это ведь и есть свобода, разве нет?

– Выбор между двумя петлями – это не свобода, – отрезала Элиза. – Кай, вставай. Нам нужно идти. Резонанс здесь становится слишком плотным. Если ты останешься на этой поляне еще на десять минут, они разорвут твою реальность на две части.

Кай попытался подняться, но его левая нога окончательно онемела, а правая горела так, что он едва не терял сознание. Сариэль и Ваал начали сближаться. Поляна начала меняться: трава с одной стороны превращалась в кристаллический иней, а с другой – обугливалась, превращаясь в жирный черный пепел. Сама граница между ними проходила ровно через позвоночник Кая.

– Кай, отдай мне Ключ, – Сариэль протянул руку, и от его ладони исходило сияние, сулившее избавление от всей боли мира. – Просто закрой глаза. Я сделаю всё остальное.

– Нет, Кай! Возьми мою силу! – Ваал протянул свою когтистую лапу, окутанную багровым пламенем. – Почувствуй вкус настоящей власти! Рви этот мир!

Кай посмотрел на них. В этот момент он увидел их не как прекрасных существ, а как механизмы. Сариэль был холодным хронометром, безжалостно отсчитывающим секунды до конца всего живого. Ваал был прожорливой топкой, готовой поглотить вселенную ради одной секунды яркого горения.

– Я... – Кай нащупал октаэдр в сумке. Артефакт отозвался резким, колющим импульсом. – Я выбираю... ничего из этого.

Он не знал, откуда в нем взялись силы, но он внезапно ударил обеими руками по земле. Левая рука, холодная как лед, и правая, горячая как угли, коснулись корней старого дуба одновременно.

Произошел выброс. Серая вспышка, лишенная цвета и звука, на мгновение стерла поляну из реальности. Саризеля отбросило назад, его световые крылья зазвенели, как разбитое стекло. Ваал кувыркнулся в тени, его хохот превратился в яростное рычание.

– Сумерки... – прошептала Элиза, подхватывая Кая, который начал заваливаться набок. – Ты сделал это снова. Ты использовал их конфликт против них самих.

– Нам... надо... уходить, – прохрипел Кай. Из его носа текла густая, темная кровь, в которой искрились синие и красные точки.

Они бросились в гущу леса, не разбирая дороги. Позади них Саризель и Ваал восстанавливали свои формы. Теперь в их действиях не было вальяжности. Теперь это была охота. Они поняли, что их «инструмент» обрел зубы.

Они остановились лишь тогда, когда луна, бледная и холодная, как глаз мертвеца, поднялась над верхушками Шепчущей рощи. Кай рухнул на землю под навесом скалистого выступа, не в силах сделать больше ни шага. Его тело дрожало в мелкой, изнуряющей лихорадке. Серая вспышка, которую он вызвал на поляне, выжала из него все соки, оставив после себя лишь звенящую пустоту в голове и вкус металла на языке.

Элиза молча собирала сухие ветки. Её движения были скупыми и точными. Вскоре вспыхнул крошечный костер. Его пламя, в отличие от багрового огня Ваала, было обычным – рыжим, уютным и дымным. Кай смотрел на него, пытаясь согреться, но тепло костра не достигало его кожи.

– Элиза... – позвал он, и его голос сорвался на кашель. – Почему я не чувствую тепла? Я вижу, как пламя танцует, я вижу искры, но для меня оно... холодное. Как отражение в зеркале.

Женщина замерла с веткой в руке. Она долго смотрела на Кая, и в свете костра её лицо казалось высеченным из камня.

– Это началось, – тихо произнесла она. – Я предупреждала тебя, Кай. Твои «гости» не просто пользуются твоим телом. Они платят за аренду твоими чувствами. Сумерки, которые ты вызвал, чтобы прогнать их, – это не бесплатная сила. Ты смешал лед и пламя, и в результате получил пустоту.

Она подошла к нему и протянула кусок черствого хлеба и флягу с водой. Кай взял хлеб, откусил кусок и... замер.

– Ну? – спросила Элиза.

– Ничего, – Кай медленно пережевывал массу, которая по консистенции напоминала мокрую вату. – Ни вкуса соли, ни запаха зерна. Просто... субстанция. Элиза, я теряю мир. Он выцветает.

– Это цена, которую платит картограф за право рисовать на полях богов, – она присела напротив него, обхватив колени руками. – Сначала уйдет вкус. Потом запахи. Потом ты перестанешь чувствовать разницу между шелком и наждачной бумагой. Твои метки заменяют твои человеческие нервы магическими волокнами. Саризелю не нужны твои вкусовые рецепторы – они отвлекают от высшей гармонии. Ваалу не нужно твоё осязание – оно мешает чистому восторгу разрушения.

Кай отложил хлеб. Аппетит исчез вместе со смыслом еды. – Ты сказала, что была Певчей. Ты тоже... теряла всё это?

Элиза отвела взгляд в темноту леса. – В Шпиле мы не считали это потерей. Нам говорили, что это «освобождение от плотских оков». Когда я пела в Хоре, я чувствовала себя бесконечной. Я была самой музыкой. Но однажды, после «гармонизации» одной из провинций, я спустилась на землю. Я увидела ребенка, который плакал над телом матери. И знаешь, что было самым страшным, Кай? Я слышала его плач как идеальную, чистую ноту «до». Красивую. Совершенную. В моей голове не было сострадания – была только оценка качества звука.

Она сжала кулаки, и её ногти впились в ладони добела. – В тот момент я поняла, что Саризель превратил меня в чудовище. Я схватила первый попавшийся нож и... – она косну-

лась шрама на горле. – Я хотела убить голос, который мешал мне быть человеком. Но я не смогла убить его до конца. Я просто стала «серой». Теперь я чувствую боль, но она приглушена, словно через слой ваты. Это лучше, чем ничего, Кай. Поверь мне, это гораздо лучше, чем их «совершенство».

Кай слушал её, и внутри него росло осознание масштаба катастрофы. Он не просто бежал от двух армий. Он бежал от превращения в живой труп.

– Значит, Город Серых Теней... там я смогу это остановить?

– Там магия затихает, – Элиза подбросила ветку в огонь. – Сама структура того места такова, что резонанс Шпиля и Бездны там гложет. Это даст тебе передышку. Мы найдем способ стабилизировать твои метки, чтобы они перестали пожирать твою душу. Но помни: Саритель и Ваал не отпустят тебя так просто. Сегодня они пытались договориться. Завтра они пришьют тех, кто не умеет говорить.

Кай потянулся к своей сумке и вынул стеклянный октаэдр. Артефакт в свете костра казался зловещим. Внутри него, глубоко в гранях, боролись две искры – синяя и красная. Они вращались в вечном танце ненависти, и Кай внезапно понял, что он – лишь сцена для этого танца.

– Я нарисую эту карту, Элиза, – прошептал он, глядя на артефакт. – Даже если в конце я не буду помнить, зачем я это сделал. Я найду выход для нас всех.

– Спи, картограф, – Элиза накинула на него свой плащ. – Завтра Шепчущая роща закончится, и начнутся Земли Отчуждения. Там нам понадобится каждая капля твоей воли.

Кай закрыл глаза. В эту ночь ему не снились ни ангелы, ни демоны. Ему снился Элмор – его маленькая мастерская, запах жасмина и вкус горячего хлеба с солью. Это были последние крохи его человечности, которые он бережно сжимал в кулаке, засыпая в холодном лесу, где деревья больше не шептали, а лишь выжидающе молчали.

Глава 3: Город Серых Теней

Земли Отчуждения начались не сразу. Это было похоже на то, как на старой картине медленно выцветают краски, пока не остается только серый грунт холста. Кай шел за Элизой, и каждый его шаг по этой мертвой почве отдавался в голове тупым, методичным стуком.

Здесь не было травы. Не было даже камней в привычном понимании – только спекшаяся, серая крошка, которая при каждом шаге поднимала в воздух облачка едкой пыли. Пыль не имела запаха, но она оседала на губах Кая приторно-сухим налетом. Он попытался сплюнуть, но слюна пересохла еще вчера.

– Смотри под ноги, – бросила Элиза, не оборачиваясь. Её серый плащ казался единственной твердой вещью в этом зыбком мире. – Здесь почва помнит всё, что на ней было разрушено. Наступишь не туда – провалишься в чье-то старое воспоминание.

Кай посмотрел вниз. В серой пыли под его сапогом на мгновение проступил контур детской игрушки – деревянной лошадки, которая тут же рассыпалась в прах. Он отшатнулся.

– Почему здесь так тихо? – спросил он. Его голос звучал неестественно тонко, словно воздух не хотел его проводить.

– Потому что звук – это движение, Кай. А здесь движение замерло в ожидании конца, – Элиза остановилась и указала на горизонт. – Видишь это дрожание воздуха? Это граница реальности. Там, где Шпиль и Бездна сошлись в последний раз, пространство просто... устало.

Кай чувствовал, как его тело откликается на эту пустоту. Левая нога, отмеченная Печатью Порядка, двигалась с пугающей, автоматической четкостью. Ему не нужно было прилагать усилий, чтобы переставлять её – она сама находила идеальную точку опоры, словно ведомая невидимым циркулем. Но цена этой легкости была страшной: он не чувствовал прикосновения подошвы к земле. Для его левой половины мира не существовало, была только траектория.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.